

Исторический вестник. 2024. Т. L.
DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.003

Гюль Шен

ВОЕННО-МОРСКОЙ АРСЕНАЛ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА ОКОЛО 1700 г.

Османский флот эпохи раннего модерна являлся частью политического и экономического порядка в Средиземноморском регионе того времени, а значит, и в Европе¹. Будучи столицей обширной империи, Стамбул стоял в одном ряду с другими мегаполисами, такими как Париж или Лондон. С этими городами он разделял как придворное величие и культурную харизму, так и социальные проблемы, такие как бедность и преступность, и как следствие жесткие меры по поддержанию общественного порядка со стороны государства². На этот комплекс тем уже обращали внимание Фернан Бродель, рассматривавший его в универсальной перспективе, и Фариба Заринебаф на конкретных приме-

¹ Эта статья представляет собой перевод моей инаугурационной лекции «На галеры! Преступность и пенитенциарная система в Османской империи около 1700 г.» на философском факультете Боннского университета 1 декабря 2021 г. Рукопись была переработана для этой публикации.

² Braudel Fernand. Sozialgeschichte des 15.—18. Jahrhunderts, vol. 2. Munich: Kindler, 1986. P. 505—613.

Военно-морской арсенал Великого Государя (Tersâne-i 'Âmire)
на Золотом Роге в Константинополе. 1705 г.

рах из истории Стамбула XVIII в.³ Основываясь на этих исследованиях и опираясь на реестры осужденных османского флота, которым до сих пор уделялось в науке мало внимания, в данной статье я более четко показываю связь между преступностью в столице и системой наказаний, применявшейся в османском флоте в период конца XVII — начала XVIII в. Хотя эта тема касается весьма конкретной области, а именно османский флот в раннемодерный период, она очень тесно связана с другими, куда более широкими областями, такими как история Европы, Средиземноморья и ранних современных империй в целом: давайте вспомним, что в это время Османская империя играла роль посредника между Европой и Азией и что это государство являлось наследственной монархией с весьма развитыми для того времени институтами и кодифицированным законодательством. Рассматривая османский военный флот, мы сталкиваемся с явлением, чьи характеристики находят отражение и в военно-морских силах других крупных средиземноморских держав, простирающихся от Леванта до Гибралтара.

В качестве вступления я затрону некоторые аспекты правовой культуры Османской империи. Затем я рассмотрю вопрос о том, какое значение вкладывали османское общество и органы власти в термин «преступность», что считалось уголовным преступлением и что на этом фоне подразумевалось под системой уголовных наказаний.

³ Zarinebaf Fariba. Crime and Punishment in Istanbul: 1700–1800. Berkeley: University of California Press, 2010.

Наконец, мы сосредоточимся на *конкретном* социальном измерении системы наказаний, а именно на механизме вербовки, с помощью которого османский флот обеспечивал себя крайне необходимым ресурсом, а именно человеческой рабочей силой. Я хотела бы проиллюстрировать этот последний аспект на примере важного корпуса источников, до сих пор не изданных реестров осужденных османского флота XVIII в.

1. Правовая культура Османской империи

Если мы рассмотрим эту тему более подробно, то вскоре поймем, что нам придется иметь дело с влиятельными метанарративами, такими как представление о восточном деспотизме или же идея о государстве как о частном владении правителя, в котором он может распоряжаться жизнью, свободой и имуществом своих подданных произвольно и не соблюдая законов. Однако на практике Османская империя, как и ее западные соседи, такие как Испания, Венеция и империя Габсбургов, обладала всеобъемлющей, кодифицированной системой судопроизводства и правоприменения. Помимо религиозного права, основанного на Коране и богословской традиции, — шариата⁴, источниками этого права были законы великого султана (*kānūn*) и обычное право (*‘örf*), причем два последних играли гораздо более важную роль в юридической практике, чем первый⁵. Кроме того, существовали *siyasetnâme* — своего рода консультативная литература для правителей и высокопоставленных вельмож и чиновников, в которой содержались общие рекомендации по правильному управлению и администрированию. Эта специализированная юридическая литература способствовала широкому распространению идеи «круга справедливости», согласно которой поддержание правопорядка являлось особой обязанностью каждого светского правления⁶. Еще одним источником кодифицированной юриспруденции являлись показания свидетелей. Свидетельские показания имели

⁴ Aykan Yavuz, Boğaç Ergene. Shari’a courts in the Ottoman Empire before the Tanzimat // The Medieval History Journal, 22/2 (2019): 203–228.

⁵ İnalçık Halil. Osmanlı Hukukuna Giriş // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi 13 (1958): 102–126.

⁶ О «Круге справедливости» см.: Darling Linda T. A History of Social Justice and Political Power in the Middle East: The Circle of Justice from Mesopotamia to Globalization. New York: Routledge, 2013.

особый вес в уголовных процессах, о чем ясно свидетельствуют судебные реестры ведомства кади⁷.

Эта практика усложнялась тем, что существовали отдельные юрисдикции для мусульманских и немусульманских подданных, которые, однако, подчинялись верховной власти — Совету Великого Государя (*Divân-ı Hümayûn*), который, в свою очередь, являлся частью султанской придворной бюрократии. Подобно Европе того времени, в Османском государстве не было строго упорядоченной системы органов власти с четко определенными функциями и компетенциями. Вместо этого действовал комплекс различных институтов, которые сосуществовали, а порой и вступали в противоречие друг с другом⁸.

Что же касается прозрачности правовой системы для всех заинтересованных сторон, Османская империя с ее стандартизированной кодификацией, безусловно, опережала на шаг вперед другие европейские государства, такие как Франция времен *ancien régime* с ее многочисленными конкурирующими друг с другом местными законодательными нормами. Однако можно найти параллели в организации судопроизводства и уголовного преследования. Прокуратуры в современном ее понимании тогда еще не существовало; решение о предъявлении обвинения и возбуждении уголовного дела находилось исключительно в компетенции кади, т.е. судьи с ограниченной местной юрисдикцией, который действовал примерно так же, как *магистрат* во Франции того времени. Кади выносил свое решение в последней инстанции, т.е. оно уже не могло быть оспорено или подвергнуто кассации другим кади. Таким образом, хотя основное решение о возбуждении дела принимал кади, жалоба могла быть подана как индивидуально заинтересованным лицом, так и государственными чинами. Например, в случаях нанесения телесных повреждений, убийства или кражи истцом мог выступать сам пострадавший, а в делах, касающихся общественного порядка и морали, в частности, местный представитель государственной власти. В число этих *ehl-i 'örf*, которые, таким образом, практически брали на себя роль государ-

⁷ Напр., о XVIII в. см.: Yılmaz Coşkun (ed.). İstanbul Kadı Sicilleri Bâb Mahkemesi 197 Numaralı Sicil (H. 1162—1163 / M. 1749—1750). İstanbul: İSAM, 2019.

⁸ Более подробное изложение этой сложной темы см. в более старом, но фундаментальном исследовании Уриэля Хейда: Heyd Uriel. Studies in Old Ottoman Criminal Law. Oxford: At the Clarendon Press, 1973. См. также: Barkan Ömer Lütfi. Türkiye'de Din ve Devlet ilişkilerin Tarihsel Gelişimi // Türk Tarih Kurumu Yayınları 7/71 (1975): 49—97; Barkey Karen. Aspects of Legal Pluralism in the Ottoman Empire // Lauren Benton / Richard J. Ross (eds.). Legal Pluralism and Empires, 1500—1850. New York / London, 2013. P. 83—107.

ственного обвинителя, входили те функционеры, которые отвечали за общественную безопасность, например, главнокомандующий янычарами (который отвечал за весь город), мэр (*воевода*) Галаты, главнокомандующий/великий адмирал флота (*kapudan paşa*), начальник дворцовой стражи (*bostancıbaşı*), дневная (*subaşı*) и ночная стража (*'asesbaşı*). Все они обладали правом задерживать преступников или подозреваемых, составлять на них протоколы (*i lām*) и передавать арестантов к кади⁹.

2. Преступность в Османской империи

Если говорить о необходимости уголовного преследования, то первый вопрос, который возникает, — кто согласно османскому праву того времени считался преступником. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны учитывать, что политическое мышление того времени было еще далеко от наших современных представлений об обществе и социальном партнерстве. Социальный разрыв между элитой и массами был еще более выражен в материальном и правовом плане, чем сегодня. Верхушка воспринимала неимущих как угрожающую массу, которую необходимо держать в узде. Кроме того, институты государства всеобщего благосостояния в том виде, в котором мы знаем их сегодня, только начинали развиваться. Болезни, потеря работы или массовая мобильность, вызванная войной или стихийными бедствиями, могли вытолкнуть значительную часть населения из своих социальных структур и превратить ее в настоящую армию отверженных, отчаявшихся и готовых на все — Фернан Бродель ярко проиллюстрировал эти связи в своей социальной истории раннего модерна как для Европы, так и для Азии¹⁰.

В целом города Средиземноморья в эпоху раннего модерна страдали от неконтролируемой миграции и высокого уровня городского насилия, индивидуальной и организованной преступности¹¹. В частности, Стамбул в XVIII в. был центром притяжения для надеющихся на лучшую жизнь или просто остро нуждающихся мигрантов с Балкан, из Причерноморья и Анатолии, как показала в своей работе Сурайя Фарокхи¹². В то же вре-

⁹ Heyd Uriel. Ottoman Criminal Law. P. 241–242.

¹⁰ Braudel Fernand. Sozialgeschichte des 15.–18. Jahrhunderts, vol. 2: Der Handel. München: Kindler, 1986. P. 556–574.

¹¹ Zarinebaf. Crime and Punishment... P. 35–50, 128–30.

¹² Faroqhi Suraiya. Migration into Eighteenth-Century 'Greater Istanbul' as Reflected in the Kadi Registers of Eyüp // *Turcica* 30 (1998): 163–183.

Кади и охранники публично выставляют напоказ осужденного преступника.
I Turchi: Codex Vindobonensis 8626, testo di Alberto Arbasino

мя повальная безработица, вызванная массовым притоком мигрантов, привела к росту преступности, поэтому городская администрация была вынуждена принять эффективные меры наблюдения и контроля. Этот феномен отсылает нас к известным исследованиям Мишеля Фуко о зарождении современной пенитенциарной системы при старом режиме во Франции. По его мнению, современная пенитенциарная система в Европе, основанная на взаимодействии знания и власти, привела к возникновению в европейских городах XVIII в. практик всестороннего наблюдения за населением. То же самое можно сказать и про Стамбул. Как в Священной Римской империи, например, города и территории стремились обеспечить «хорошую полицию» с помощью правил и законов, так и власти Стамбула укрепляли систему общественной безопасности с помощью усиленного привлечения янычар и дружинников.

Кроме того, был введен ряд мер полицейского контроля: одной из самых важных была процедура поручительства (*kefalet*), т.е. обязанность местных почетных граждан представлять властям свидетельство о хорошей репутации. Зарождение этой процедуры можно отнести к началу XVI в., однако интенсивное и широкое применение она получила лишь в конце XVIII в. при Селиме III¹³. Она была особенно важна как система социального контроля и надзора, поскольку позволяла блюстителям по-

¹³ Об этом: *Zarinebaf. Crime and Punishment*. P. 132–133; *Heyd. Ottoman Criminal Law*. P. 238–240.

рядка использовать реестр поручителей для учета членов групп, считавшихся маргинальными и представлявшими угрозу общественной безопасности¹⁴. В первую очередь речь шла о мигрантах из сельской местности и безработных холостяках, среди которых преобладали албанские мигранты и некоторые профессиональные группы, например носильщики. Всех, кто не мог предоставить гарантии, выдворяли из города.

Как видно из архивных дел, система поручительства играла роль и в самой системе наказаний: осужденные могли получить свободу под поручительство жителей своего района или членов своей общины¹⁵. В реестрах осужденных османского флота, напротив, во многих записях мы находим указание на то, что осужденный представил свидетельство о хорошем поведении. Это означает, что в суде он уже назвал человека или людей, которые могли поручиться за него в случае подачи ходатайства о досрочном освобождении. Таким образом, система поручительства давала заключенному определенное преимущество, поскольку предоставляла ему средство правовой защиты, которым он мог воспользоваться сразу после начала отбывания наказания — в тюрьме он вряд ли смог бы найти такую юридическую помощь.

В эпоху раннего модерна важные страны, граничащие со Средиземноморьем, являлись также и морскими державами. Им приходилось доказывать свое могущество не только на суше, но и на море. Способность сохранять морские и торговые пути открытыми или, наоборот, в случае необходимости их закрывать, а также защищать собственные прибрежные районы от вражеских нападений, являлась предметом первоочередной важности как для государств латинского Запада, так и для Османской империи. Таким образом, борьба за господство в регионе происходила в основном на море и сводилась к непрекращающемуся противостоянию военно-морских сил. Кульминацией этой постоянной борьбы можно считать битву при Лепанто 1571 г., в которой христианские государства и Османская империя сражались друг с другом, отправив в бой в общей сложности 426 кораблей.

Куда более быстрые и маневренные, чем парусные корабли, галеры составляли основу военно-морского флота того времени. Они не зависели от благоприятного ветра и могли положиться на силу гребцов, что

¹⁴ *Başaran Betül*. Crime, Violence and Urban Policing // *Shirine Hamadeh, Çiğdem Kafescioglu* (eds.). *A Companion to Early Modern Istanbul*. Leiden: Brill, 2021. P. 446—472; *Başaran Betül*. *Selim III, Social Control and Policing in Istanbul at the End of the Eighteenth Century*. Leiden: Brill, 2014. P. 106—126.

¹⁵ Этот пример см. в кн.: *Zarinebaf*. *Crime and Punishment*. P. 133.

делало их незаменимыми особенно в прибрежной зоне Средиземного моря с его многочисленными островами и бухтами¹⁶. Но с другой стороны, эта технология требовала огромного количества рабочей силы. Так, на стандартной османской галере с экипажем в 300 человек служило 196 гребцов. На больших галерах с экипажем до 800 человек требовалось до 300 гребцов. Для галерной эскадры (40 кораблей) это означало потребность в более чем 10 000 человек только на гребных скамьях¹⁷.

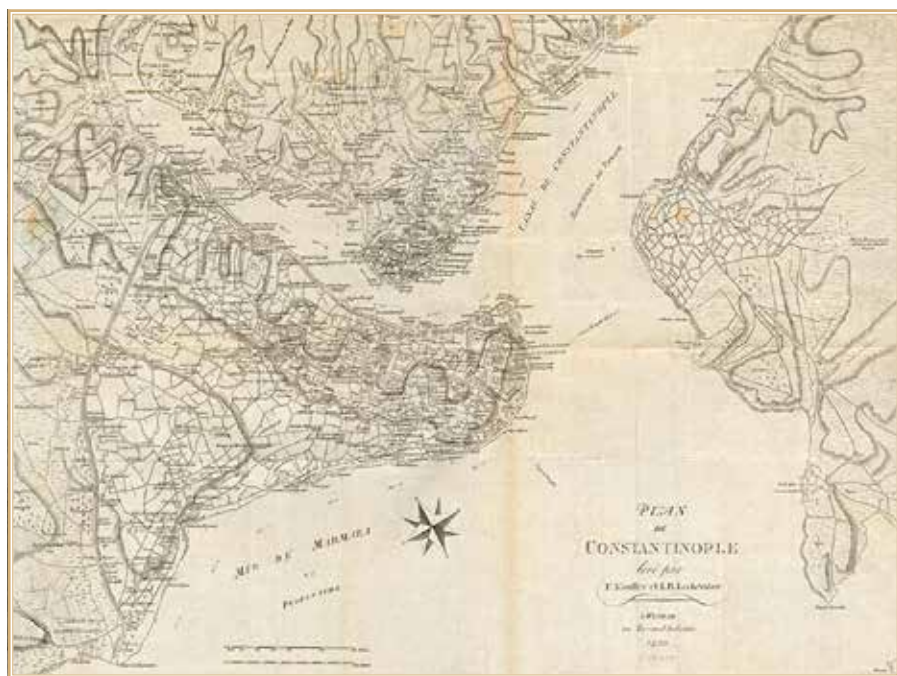
3. Морской арсенал в Константинополе: военно-морской центр и крупнейший работодатель Османской империи

Итак, потребность галерного флота в человеческом труде для поддержания ударных сил на море была огромной. Для набора, содержания и организации этой рабочей силы использовались все доступные средства, как легальные, так и нелегальные. Таким образом, и в Османской империи морские войны велись в значительной степени с использованием несвободного труда. И вот тут-то в дело и вступало государственное управление. «Терсане-и-Амире» («Имперский Военно-морской арсенал» или «Большой арсенал») на Золотом Роге являлся важнейшим государственным военно-морским центром и одновременно главной верфью Османской империи. Он служил османам основным исходным пунктом для их морских мероприятий, как военных, так и торговых, а также являлся крупнейшим работодателем во всей империи. По своим функциям и размерам государственный арсенал был сопоставим с Арсеналом (*Arsenale*) Венецианской республики или Галерным Арсеналом (*Arsenal des galères*) в Марселе. В соответствии со своими разнообразными задачами Военно-морской арсенал был не только верфью, но в нем располагались также госпиталь и тюрьма¹⁸.

¹⁶ Подробное исследование логистического влияния и маневренности галер в XVI в. см.: *Guilmartin Jr., John Francis*. Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the 16th Century. London: Cambridge University Press, 2003.

¹⁷ *Katib Çelebi*. Tuhfetü'l-Kibâr fî Esfâri'l-Bihâr (ed.). İdris Bostan. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi. 2018. P. 82. Об организации военно-морского флота в XVII в. см.: *Bostan İdris*. Osmanlı Bahriye Teşkilâtı: XVII Yüzyılda Tersâne-i Âmire. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991.

¹⁸ О Военно-морском арсенале см.: *Şen Gül*. Galley Slaves and Agency: The Driving Force of the Ottoman Fleet // *Stephan Conermann, Gül Şen* (eds.). Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire. Göttingen: V&R unipress. P. 136–137.

Старинная карта с видом Золотого Рога

Мы достаточно хорошо осведомлены об арсенале, его организации и функциях. Большая часть информации о нем содержится в сообщениях бывших военнопленных, которые служили рабами на галерах в XVI и XVII вв., а затем были освобождены или выкуплены. Так, например, весьма яркие описания арсенала содержат мемуары бывшего военнопленного и галерного раба, богемского дворянина Вацлава Вратислава фон Митровица (ум. 1635), написанные на немецком языке в XVI в. А в 1610 г. была опубликована книга «*Aegyptiaca Servitus*» немецкого писателя-путешественника Михаэля Хеберера (ум. после 1623 г.), который был выкуплен в 1589 г. после трех лет пребывания рабочим на османских галерах¹⁹.

Следует отметить, что государственный Военно-морской арсенал содержал лишь ограниченное число постоянных рабочих. Однако в периоды интенсивной военно-морской активности численность персонала увеличивалась в несколько раз. Интенсивность этой деятельности зависела не только от войны или мира, но и от времени года, поскольку в осенние или зимние месяцы флот оставался в гавани. Однако как только

¹⁹ Heberer von Bretten, Johann Michael. *Aegyptiaca Servitus*, intr. by Karl Teply, reprint (Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1967, репринт оригинала 1610 г.); *Wratislaw Wenceslas, Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw of Mitrowitz*. Transl. Albert Henry Wratislaw (Cambridge: Cambridge University Press, 2013).

Затопление турецкого военного корабля. Иллюстрация из «*Erfolge der Toskana Nell'Imprese mehr Berichtet de Ritter von St. Stephen*» Фульвио Фонтаны. Гравюра Х. Винсента, 1701 г.

он вставал в строй, потребность в персонале резко возрастала и требовала немедленного пополнения рабочей силы. Что касается потребности в гребцах, то государственная администрация прибегала к самым разным мерам по их привлечению. Например, некоторые муниципалитеты освобождались от уплаты налогов, но взамен обязаны были предоставить определенное количество гребцов. Также предпринимались усилия по привлечению платных гребцов-добровольцев, но эти попытки не приносили желаемого результата²⁰. Знаменитый придворный османский летописец На'има (ум. в 1714 г.) отмечал свои наблюдения по этому поводу: «Даже если бы на площадях были разбиты шатры и навалены серебряные монеты, все равно никто не вызвался бы записаться в гребцы»²¹. Таким образом, использование галерных рабов, военнопленных или осужденных преступников оставалось важнейшим источником кадров для флота.

Ввиду постоянной нехватки гребцов судебная практика кюрек (*kürek*, осуждение на каторгу для работ на гребной скамье) преврати-

²⁰ О различных механизмах набора гребцов см.: Şen Gül. Between Two Spaces: Enslavement and Labor in the Early Modern Ottoman Navy // Stephan Conermann, Youval Rotman, Ehud Toledano, Rachel Zelnick-Abramovitz (eds.). Comparative and Global Framing of Enslavement, Berlin: De Gruyter, 2023. P. 133–166.

²¹ Na'imā Muştaşfā. Ravzat el-Huseyn fi hulāşat-i ahbār el-hāfikayn. Tārīḥ-i Na'imā, vol. V. P. 201–202, Istanbul 1864–1866, 4th edition; Şen. Galley Slaves and Agency. P. 144.

лась в санкционированный государством ресурс для набора персонала на флот. Для этой цели использовались не только осужденные за правонарушения, но и военнопленные. Османы переняли практику гребных наказаний почти одновременно со своими европейскими противниками, а именно венецианским флотом, в начале XVI в. Хотя данное наказание не упоминается ни в шариате, ни в султанских указах *ферман*. В XVI и XVII вв. оно нашло широкое применение, чтобы восполнять постоянный дефицит рабочей силы на галерах²². Когда идет речь об османских галерах как о месте наказания, необходимо иметь в виду, что для современников это представление ассоциировалось именно с Военно-морским арсеналом в Стамбуле.

Помимо хорошо исследованных сообщений европейских свидетелей-современников особенно богатый и информативный материал по этой теме содержится в османских государственных документах, например в реестрах Арсенала Великого Государя. Как видно из записей, преступники прибывали как из самой столицы, так и из европейских провинций Османской империи (например Северных Болгарии и Греции), из Анатолии и в некоторых случаях из арабских провинций (Эдирне, Бурса, Варна, Комотины, Иерусалим, Алеппо). Помимо военнопленных из средиземноморских государств, а также из Восточной и Центральной Европы, которые были определены на службу рабами на галерах, в Военно-морском арсенале можно было встретить и османских подданных, прибывших из всех важных областей империи. За некоторыми исключениями по степени наказания не проводилось никаких различий между мусульманскими и немусульманскими подданными.

И наконец, что не менее важно, регистры дают представление о формах преступности, которые могли привести к приговору на галеры. Преступления, по которым выносились обвинительные приговоры, можно разделить на три категории. К первой из них относятся насильственные преступления, такие как убийства, уличные грабежи и сексуальные нападения. Эти преступления часто совершались бандами грабителей и разбойников, т. е. являлись формой организованной преступности того времени.

Ко второй категории относились нарушения прав собственности. Они варьировались от таких актов тяжкого грабежа, как конокрад-

²² Анализ наказания за греблю с юридической точки зрения см.: *Kılınç Ahmet*. *Klasik Dönem Osmanlı Devleti'nde uygulanan Kürek Cezasının Hukuki Tahlili // Belleten 79* (2015): 531–558.

Первые страницы реестра осужденных Военно-морского арсенала (*defter-i mücrimân-ı der-zindân-ı an tersân-i 'âmiri*), 1704 г., № 15749

ство, похищение рабочих и краж со взломом, до таких видов малотяжких проступков, как мелкие и карманные кражи. Другие уголовные преступления, такие как подделка документов и монет, переступали порог третьей категории. Эти преступления квалифицировались как «злодеяния против политического и религиозного порядка». К этому виду правонарушений относились прежде всего религиозная конверсия из армянско-православной веры в католическую веру (т. е. переход в вероисповедание противника), а также продажа алкоголя мусульманам.

Хотя все осужденные на галеры были мужчинами, имена женщин назывались или же анонимизировались в основном в тех случаях, когда они становились жертвами преступлений, таких как убийство, изнасилование, нападение или кража со взломом. До нас дошел случай, когда женщина была похищена тремя мужчинами и подвергалась изнасилованию в течение десяти дней. После раскрытия преступления жертва была пожизненно изгнана из места своего проживания, что, возможно, было связано с процедурой, принятой в то время в подобных случаях: изгнание было предписано для ее собственной безопасности, чтобы защитить ее от дальнейших преследований. Подобные социально-этические соображения, возможно, и привели к тому, что

было зафиксировано лишь несколько случаев сексуального насилия; жертвы предпочитали молчать о постигшем их несчастье чем подвергаться социальному ostracism, как это происходило и в Европе того времени²³.

Помимо закоренелых преступников и преступников-членов банд, к галерам приговаривались случайные воры и другие мелкие правонарушители. Например, решение, занесенное в тюремный реестр за 1707 г., касается имущественных преступлений: «Вышеупомянутые — закоренелые воры. Их уже несколько раз арестовывали и отправляли на весла. После того как им удавалось каким-то образом добиваться освобождения, на этот раз они были арестованы вместе со своими многочисленными сообщниками. Своим указом Великий Государь повелевает отправить их гребцами на галеры Военно-морского арсенала пожизненно». В следующей записи под той же датой «многочисленные сообщники» перечислены поименно: названы три преступника, которые являются «сообщниками Кара Мустафы» и были арестованы по его доносу. Если Кара Мустафе и его сообщнику Али на этот раз не повезло и они были приговорены к пожизненному заключению, то остальные четверо обвиняемых получили лишь срочные приговоры благодаря поручителям²⁴.

В значительном числе случаев преступников приговаривали на весьма долгие сроки или к пожизненному заключению, что выражалось в таких формулах приговора, как «пожизненное заключение» (*mü ebed kürek çekmek üzere*). В реестрах осужденных обычно содержится несколько таких записей о тех, кто был осужден за бандитизм или мятежи. В соответствии с общим суровым отношением Османского государства к этим двум группам как к нарушителям спокойствия эти осужденные не попадали под возможную амнистию. Многочисленные записи также свидетельствуют о том, что осужденным часто удавалось бежать из арсенала или с галер и, как показано выше на конкретном примере, их часто ловили. В таких случаях приговор, как правило, был пожизненным, и возможность досрочного освобождения под залог также исключалась.

Что касается последней названной категории правонарушений, то многочисленные записи свидетельствуют, с одной стороны, о сосуще-

²³ *Zarinebaf*. Crime and Punishment, chapter 6, note 22, цит. по: Emsley, Crime and Society in England).

²⁴ Bâb-ı Defteri, Baş Muhasebe Kalemî, Tersane Zindanları [Реестр осужденных Военно-морского арсенала], № 15749, л.7 (запись 10).

ствовании различных институтов и инстанций в османском уголовном праве. С другой стороны, очевидно, что главы немусульманских общин обладали широкой юрисдикцией над своими подчиненными. Так, например, патриарх Армянской православной церкви не хотел и не мог допустить смены конфессии членами своей общины. Поэтому он немедленно передавал такие случаи на рассмотрение (мусульманского) кади как уголовные преступления. Такой жесткий подход не в последнюю очередь стал реакцией на усиление миссионерской работы католиков среди православного армянского населения Османской империи в XVIII в. Но в то же время в этой юридической практике прослеживаются параллели с обращением с инакомыслящими и религиозными диссидентами в Европе того времени, такими как протестантские проповедники в габсбургской Венгрии или гугеноты во Франции: там, начиная с 1685 г., тысячи людей были приговорены к каторге, о чем свидетельствуют мемуары Жана Мартейля, которые охватывают тот же период, что и османские реестры 1700–1713 гг.²⁵ До нас дошли судебные решения за 1707 г., которые отражают эту судебную практику. Так, одно решение было направлено против трех членов армянской общины Стамбула, приговор гласил:

«31 марта 1707 года

Дамария	Агоп	Киркор
[Сын]		[Сын] [сын]
Киркор	Аред	‘Азель
[из]	[из]	[из]
Стамбул	Стамбул	Стамбул

Вышеупомянутые принадлежат к армянской общине. Их патриарх арестовал их в Кумкапу [район столицы]. Они признались, что [теперь] стали франками [католиками]... По приказу Великого Государя они должны быть сосланы в Арсенал на галеры»²⁶.

Таким образом, этой конкретной мерой могли преследоваться различные виды правонарушений. В случае поимки карманным воришкам и другим мелким преступникам грозили годы на галерной скамье в одном ряду с закоренелыми правонарушителями и серьезными преступниками.

²⁵ *Martheile Jean*. Gedenkschriften van eenen protestant, veroordeelt op de galeijen van Vrankryk, ter oorzake van den godsdienst. Daniel de Superville (der Jüngere) (ed.). Rotterdam: Jan Daniel Bemann en zoon, 1757.

²⁶ Bâb-ı Defteri, Baş Muhasebe Kalemi, Tersane Zindanları [Реестр осужденных Военно-морского арсенала], № 15749, л.6 (запись 6).

4. Каторжный труд на галерах становится принудительным общественным трудом

Менее известный аспект галерной каторги заключался в использовании заключенных за пределами гребной скамьи: так, например, военнопленные и осужденные привлекались к изготовлению парусов и другого снаряжения для флота прямо в тюрьме арсенала. За пределами тюрьмы их использовали для ремонта кораблей или на общественных работах, включая строительство и ремонт мечетей, султанских дворцов, бань и других общественных зданий. Имеются также свидетельства того, что каторжные гребцы использовались даже в качестве вспомогательных войск при обороне крепостей. Следует отметить, что к началу XVIII столетия за юридической практикой осуждения на каторжные работы на гребных скамьях, т.е. «наказание веслом», закрепилось расширенное значение как принудительного труда на пользу государства. Аналогичная практика сложилась и в христианских государствах Средиземноморья.

Такое расширение юридического значения правоприменительной практики галерных наказаний было обусловлено технологическим развитием в области кораблестроения и теми фундаментальными изменениями в методах ведения морского боя, которые происходили в XVII в. и затронули не в последнюю очередь и империю султана. В османском флоте вместо галер все чаще стали использоваться парусные корабли, что привело к значительному сокращению потребности в рабочей силе гребцов. Для сражений под парусами требовались опытные и тщательно обученные моряки. Применяя бывших гребцов для работ на суше, османская юстиция следовала глобальной тенденции раннего Нового времени использования пенитенциарной системы для мобилизации рабочей силы.

Несмотря на то, что в массовом европейском сознании того времени невольная служба на османских гребных скамьях считалась воплощением нехристианского, азиатского рабства, мы находим больше сходств, чем различий в организации и функционировании османского флота при непосредственном сравнении с военно-морскими силами христианских средиземноморских государств. Это видно не в последнюю очередь по роли флота в уголовном преследовании и исполнении приговоров.

Под воздействием тех тенденций, которые в XVII в. впервые появились в северо-западной Европе, когда преступления и проступки против политико-религиозного порядка стали наказываться не физическим

уничтожением преступника, а его трудом на благо общества, османский флот в дополнение к военному приобрел и новое, нормативно-полицейское значение. Как и в остальной Европе, вместо телесных наказаний, пожизненного заключения и смертной казни за тяжкие преступления на первый план вышла идея о покаянии и исправлении индивида с помощью принудительного труда. Каторга предлагала простой и дешевый способ решения одной из главных экономических проблем доиндустриального мира — нехватки человеческой рабочей силы. Это также позволяло государству выполнять свои обязательства в соответствии с распространенной в то время идеей о «доброй полиции» (*gute Policey*)²⁷. Под этим термином связываются воедино меры по наблюдению и дисциплинарно-полицейскому воздействию со стороны властей с целью перевоспитания и морального совершенствования индивида, а значит и общества в целом, образуя тем самым систему общественной безопасности, как идеал и целеполагание государственного действия.

Заключение

В ходе всеобщей тенденции, впервые проявившейся в северо-западной Европе начиная с XVII в., — не наказывать преступления и проступки против политико-религиозного порядка физическим уничтожением преступника, а поставить его труд на службу обществу, — османский флот, помимо военного, приобрел и новое, регулятивное значение. Как и в остальной Европе, вместо телесных наказаний и пожизненного заключения за смертные преступления на первый план вышло покаяние и исправление с помощью принудительного труда.

Государство исходило не столько из гуманитарных соображений, сколько из понимания того, что одну из главных экономических проблем доиндустриального мира — нехватку человеческой рабочей силы — можно решить просто и дешево, выполнив тем самым обязанность «хорошей полиции». Этим термином обозначались меры по учреждению системы общественной безопасности.

В Северной и Центральной Европе этой цели служили различные пенитенциарные учреждения — исправительные дома и тюрьмы, возникшие главным образом в XVII в. В средиземноморском регионе, включая

²⁷ *Isely Andrea*. Gute Policey: Öffentliche Ordnung in der Frühen Neuzeit. Stuttgart: E. Ulmer, 2009.

Османскую империю, дисциплинарно-исправительная функция была возложена на Военно-морские арсеналы и относящиеся к ним тюрьмы. Хотя ранее использовались различные формы вербовки работных людей, примерно с 1600 г. привлечение принудительного труда осужденных преступников становилось обыденной практикой. В последующий период термин «наказание греблей» все чаще становился формальным обозначением, поскольку осужденных в Военно-морском арсенале привлекали к выполнению всех видов тяжелых каторжных работ. Это никоим образом не меняло значения имперского Военно-морского арсенала как важнейшего пенитенциарного учреждения в Османском государстве.

Как показывают тюремные реестры, османская администрация и судебная система демонстрировали высокую степень бюрократизации и стандартизации процедур. Таким образом, реестры являются также свидетельством прогрессивного по меркам того времени административного аппарата. В конечном счете регистры стамбульской Арсенальной тюрьмы представляют собой особо ценный корпус источников для изучения преступности и пенитенциарной системы Османской империи первых десятилетий XVIII в. Поскольку эти акты являются сокращенными версиями судебных решений, они содержат мало информации о жизни и быте в Арсенале, но предоставляют богатейшие данные о преступлениях, группах преступников и судебном процессе.

Даже если рассматривать Военно-морской арсенал только с одной конкретной точки зрения — его роли в уголовном судопроизводстве, становится ясно, что это учреждение, которое являлось крупнейшим работодателем во всей империи и центральным институтом по найму рабочей силы, не только дает представление об османских явлениях и событиях раннего Нового времени, но и позволяет нам получить важные сведения о ранней современной военной, трудовой и социальной истории всего Средиземноморского региона.

REFERENCES

1. Archives the of Presidency of the Republic of Turkey — Ottoman Archive. Bâb-ı Defteri, Baş Muhasebe Kalemi, Tersane Zindanları [Reestr osuzhdennyh voenno-morskogo arsenala], № 15749 (1703–1706).
2. Aykan Yavuz, Boğaç Ergene. Shari'a courts in the Ottoman Empire before the Tanzimat // The Medieval History Journal, 22/2 (2019): 203–228.
3. Barkan Ömer Lütfi. Türkiye`de Din ve Devlet ilişkilerin Tarihsel Gelişimi // Türk Tarih Kurumu Yayınları 7/71 (1975): 49–97.
4. Barkey Karen. Aspects of Legal Pluralism in the Ottoman Empire // Lauren Benton / Richard J. Ross (eds.). Legal Pluralism and Empires, 1500–1850. New York, 2013. P. 83–107.
5. Başaran Betül. Crime, Violence and Urban Policing // Shirine Hamadeh, Çiğdem Kafescioglu (eds.). A Companion to Early Modern Istanbul. Leiden: Brill, 2021. P. 446–472.
6. Başaran Betül. Selim III, Social Control and Policing in Istanbul at the End of the Eighteenth Century. Leiden: Brill, 2014. P. 106–126.
7. Bostan İdris. Osmanli Bahriye Teşkilâtı: XVII Yüzyılda Tersâne-i Âmire. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991.
8. Braudel Fernand. Sozialgeschichte des 15–18. Jahrhunderts, vol. 2: Der Handel. München: Kindler, 1986.
9. Darling Linda T. A History of Social Justice and Political Power in the Middle East: The Circle of Justice from Mesopotamia to Globalization. New York: Routledge, 2013.
10. Faroqhi Suraiya. Migration into Eighteenth-Century «Greater Istanbul» as Reflected in the Kadi Registers of Eyüp // Turcica 30 (1998): 163–183.
11. Guilmartin Jr., John Francis. Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the 16th Century. London: Cambridge University Press, 2003.
12. Heberer von Bretten, Johann Michael. Aegyptiaca Servitus, intr. by Karl Teply, reprint. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1967, reprint оригинала 1610 г.
13. Heyd Uriel. Studies in Old Ottoman Criminal Law. Oxford: At the Clarendon Press, 1973.

14. *İnalcık Halil*. Osmanlı Hukukuna Giriş // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi 13 (1958): 102–126.
15. *Isely Andrea*. Gute Policey: Öffentliche Ordnung in der Frühen Neuzeit. Stuttgart: E. Ulmer, 2009.
16. *Katib Çelebi*. Tuhfetü'l-Kibâr fi Esfâri'l-Bihâr (ed.). İdris Bostan. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi, 2018.
17. *Kılınç Ahmet*. Klasik Dönem Osmanlı Devleti'nde uygulanan Kürek Cezasının Hukuki Tahlili // Belleten 79 (2015): 531–558.
18. *Martheile Jean*. Gedenkschriften van eenen protestant, veroordeelt op de galeijen van Vrankryk, ter oorzake van den godsdienst. *Daniel de Superville* (de Jongh) (ed.). Rotterdam: Jan Daniel Bemann en zoon, 1757.
19. *Na'imā Muştafā*. Ravzat el-Huseyn fi hūlāṣat-i aḥbār el-ḥāfiḳayn. Tārīḫ-i Na'imā, vol. V. P. 201–202. Istanbul 1864–1866, 4th edition.
20. *Şen Gül*. Between Two Spaces: Enslavement and Labor in the Early Modern Ottoman Navy // *Stephan Conermann, Youval Rotman, Ehud Toledano, Rachel Zelnick-Abramovitz* (eds.). Comparative and Global Framing of Enslavement, Berlin: De Gruyter, 2023. P. 133–166.
21. *Şen Gül*. Galley Slaves and Agency: The Driving Force of the Ottoman Fleet // *Stephan Conermann and Gül Şen* (eds.). Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire. Göttingen: V&R unipress. P. 131–163.
22. *Wratislaw Wenceslas*. Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw of Mitrowitz. Transl. Albert Henry Wratislaw. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
23. *Yılmaz Coşkun* (ed.). İstanbul Kadı Sicilleri Bâb Mahkemesi 197 Numaralı Sicil (H. 1162–1163 / M. 1749–1750). İstanbul: İSAM, 2019.
24. *Zarinebaf Fariba*. Crime and Punishment in Istanbul: 1700–1800. Berkeley: University of California Press, 2010.

Ключевые слова:

Османская империя, Средиземноморье, флот, труд, Военно-морской арсенал, осужденные, гребцы

Gül Şen

OTTOMAN NAVAL ARSENAL, CRIMINALITY, AND LAW ENFORCEMENT AROUND 1700

Naval warfare in the Ottoman Empire was based largely on the use of unfree labor, such as war captives and criminals in the early modern period. The need for oarsmen to maintain the military dominance at the coast and sea of the Eastern Mediterranean was enormous, especially during the navigating season in spring and summer. To attract, maintain and organize this labor force, all available means were used. Drawing on the registers of the Naval Arsenal in Istanbul, this article examines the issue of recruitment of criminals for the Ottoman Navy and the changing role of this institution around 1700. The convict registers of the Naval Arsenal document that in some cases even a simple theft could result in a condemnation for hard labor on the galleys. Such cases suggested that law enforcement was seen here as a convenient means to recruit naval workforce. Another important aspect is that with this practice the Ottoman state followed the tendency in north-western Europe since the seventeenth century to punish crimes and violations of the public order no longer with the physical destruction of the delinquent, but to place their labor in the service of the public.

Keywords: Ottoman Empire, Naval Arsenal, Navy, Labor, Convicts, Oarsmen.

Translated from German by Alexander Bauer

Gül Şen – PD. Dr. (Middle Eastern History), Privatdozentin, University of Bonn, Institute of Oriental and Asian Studies
ORCID: 0000-0002-0364-0682

Перевод статьи с немецкого
Александр Бауэр

доктор философских наук (история Ближнего Востока), доцент.
Боннский университет, Институт восточных и азиатских исследований
ORCID: 0000-0002-0364-0682